

Глава 14. По воду

Глава клана и остальные опасались, что коварство семьи Цю ранит Цю Хуаняня до глубины души, однако тот лишь усмехался про себя. Будь на его месте прежний владелец тела, он и тот вряд ли бы пролил хоть слезинку.

В сердце юноши, кроме рано ушедшей матери, для родственников из дома Цю места не осталось — они давно стали для него чужими. А раз так, то и печалиться было не о чем.

Встретив обеспокоенный взгляд Ду Юньсэ, Хуанянь мягко улыбнулся:

— Я всё понимаю. Поступки этих людей меня больше не касаются. Раз они осмелились на такое злодейство, пусть теперь сами и пожинают горькие плоды.

Глава клана Ду Чжэньхэ повернулся к Ду Юньсэ:

— Юньсэ, а что сказал господин уездный судья Ван?

— Судья уже допросил похитителей и отправил стражу в деревню Шанлян, чтобы схватить Цю Фу и Цю Гуя. Как только всех соучастников доставят в управу, начнётся официальное разбирательство.

Узнав в молодом человеке Ду Юньсэ, Ван Чуцы поначалу хотел оставить его в уездном городе, чтобы побеседовать подольше, однако тот так рвался домой, что судье пришлось его отпустить. Дела этой шайки затронули десятки семей в соседних уездах, и быстро закончить следствие не получится. Поэтому Ван Чуцы велел У Шэню и Ду Юньсэ оставить показания и адреса, пообещав прислать вестового, как только приговор будет вынесен.

Беседа затянулась до глубоких сумерек. Когда У Шэнь поднялся, чтобы откланяться, глава клана, зная о спешном императорском поручении, не стал его удерживать. Он знаком велел старшему сыну, Ду Баожэню, принести два ляна серебра и протянул их юноше.

— Почтенный старец, я никак не могу принять эти деньги! — У Шэнь густо покраснел, отчаянно отмахиваясь.

Он видел, что хоть семья главы клана и живёт справнее прочих, всё же они остаются простыми земледельцами, и деньги им даются нелегким трудом. Как же он мог забрать их сбережения?

Однако Ду Чжэньхэ был непреклонен.

— Будь на твоём месте кто другой, старик не стал бы и руки к кошельку прикладывать, — твёрдо произнёс он. — Но ты — юный генерал У! Кто из живущих на этой земле не помнит

подвигов твоего отца на северо-восточных рубежах? И если его сын попал в беду, любой, в ком жива совесть, обязан протянуть руку помощи.

Пожилой мужчина перевёл дух и продолжил:

— Живи вы сейчас в достатке, я бы не стал лезть с ненужной заботой. Но ныне великий генерал У в опале и ссылке, а ты, совсем ещё юнец, в одиночку держишь путь к границе. Если не позволишь мне исполнить этот долг, я сам себя перестану уважать!

У Шэнь слушал, не в силах скрыть волнения. Он знал, что отец в былые годы снискал славу в сражениях на северо-востоке, но с тех пор император ни разу не послал его командовать теми войсками. Потому У Шэнь и не догадывался, сколь глубока любовь народа к его родителю.

— Отец часто наставлял меня: военачальник должен быть верен государю, но не меньше обязан любить свой народ. Ибо лишь тот, за кем идёт народ, воистину непобедим. Раньше я понимал эти слова лишь умом, но сегодня почувствовал их сердцем. Будь отец здесь, он бы несказанно обрадовался, услышав вашу речь.

Поняв, что дальнейший отказ лишь обидит старика, юноша принял серебро, отступил на полшага и низко поклонился:

— От имени отца благодарю вас за благородство. Клянусь, если судьба позволит, я, У Шэнь, сторицей отплачу вам за сегодняшнюю доброту.

Глава клана, довольно поглаживая бороду, рассмеялся и проводил гостей до околицы. Цзюцзю и Чуньшэн уже вовсю клевали носами, поэтому Хуанянь повёл их домой укладывать, а Ду Юньсэ вызвался проводить друга ещё немного.

Они вели коня под уздцы по узкой сельской тропе, залитой ярким лунным светом. У Шэнь никак не мог успокоиться:

— Раньше я кичился своим мастерством в боевых искусствах и знанием тактики, а отец твердил, что я смыслю в ратном деле не больше младенца. Я обижался, но теперь вижу его правоту. Только оставшись один на один с миром, начинаешь по-настоящему постигать жизнь.

Он покосился на спутника:

— Юньсэ, ты ведь тоже о чём-то задумался?

Слова главы клана заставили Ду Юньсэ взглянуть на происходящее иначе, и разрозненные обрывки мыслей в его голове сложились в единую картину. Например, почему император долгие годы не позволял У Диншаню вернуться на северо-восток? И почему теперь, лишив генерала чинов и сослав его в южные земли, он отправил его единственного сына именно на

северную границу, да ещё и на ничтожную должность цзунци?

Юньсэ опустил глаза. Чем яснее становились мотивы императора, тем более неисповедимыми и глубокими казались ему думы нынешнего государя.

Вспомнив наставление учителя Вэнь Хойяна перед арестом, молодой человек не стал делиться подозрениями, а лишь осторожно заметил:

— Когда окажешься в полку, ни в коем случае не поддавайся унынию и не сетуй на судьбу. Хватайся за любую возможность отличиться в бою. А если потребуется, не бойся опираться на доброе имя своего отца — на северо-востоке оно всё ещё дорого людям.

— Чтобы я да нюни распускал? — фыркнул У Шэнь. — Хоть цзунци и малый чин, но под моим началом будет пятьдесят воинов. Этого хватит, чтобы честно рубить врага на передовой! Вот увидишь, в этот раз я добуду себе славу, которая не уступит отцовской!

Он азартно сжал кулаки, но тут же поник и вздохнул:

— Одно меня гложет: матушка совсем слаба здоровьем, приживётся ли она в знойном климате юга? И почему всё так внезапно обрушилось...

Гость помолчал и нерешительно спросил:

— Юньсэ, наследный принц несколько лет учился у господина Вэнь Хойяна, вы ведь с ним почти соученики. Насколько ты знаешь Его Высочество... Неужели все эти обвинения в корысти и попрании законов — и впрямь его рук дело?

Ду Юньсэ бросил на него предостерегающий взгляд:

— Судить о поступках наследника престола? Неужели великий генерал не учил тебя, что беда в дом заходит через открытый рот?

— Да брось, мы же здесь только вдвоём.

Однако собеседник не желал углубляться в опасные речи.

— Если судить по родству, ты и вовсе приходишься наследнику престола двоюродным братом. Неужто ты сам не ведаешь, что там творится?

У Шэнь надолго замолк, подавленный ответом, и наконец уныло проговорил:

— Государь запер принца в Восточном дворце. Хоть титула и не лишил, но вырвал ему все перья, разогнав верных людей... Кто знает, что будет дальше. Ну, Юньсэ, настал час прощаться. Надеюсь, при следующей встрече ты уже будешь в звании цзюйжэня, а я — при наградах и новой должности!

— На поле боя клинки не знают жалости. Береги себя.

— Прощай!

У Шэнь натянул поводья, вскочил в седло и пустил коня в галоп, направляясь к границе. В сиянии луны его юный, дерзкий силуэт быстро растворился в бескрайних полях.

Ду Юньсэ долго смотрел ему вслед, а затем тихо вздохнул, оглядывая ставшие одновременно родными и чужими пейзажи деревни Ду. Хоть он и покинул столицу, призраки интриг и заговоров следовали за ним по пятам. Юноша понимал: он вовсе не сбежал с доски, расчерченной рукою Сына Неба, а остался на ней всё той же незначительной пешкой.

Он обернулся к спящей деревне, и сердце его мало-помалу наполнилось нежностью. К счастью, здесь его ждали близкие люди: маленькие брат с сестрой и суженый, который с каждой минутой казался ему всё более необыкновенным.

При мысли о Хуаняне пульс молодого человека участился, и он скорым шагом направился к дому.

У калитки он заметил, что конь, одолженный у судьи, уже ухожен и заведён во двор. Сама же дверь была прикрыта не до конца — его ждали.

Юньсэ тихо вошёл. В усадьбе царило безмолвие. Лошадь стояла в углу двора у коновязи, лениво пережёвывая охапку сочных трав. Из бокового флигеля вышел Цю Хуанянь, нагруженный ворохом циновок, одеял и подушек. Заметив гостя, он прижал палец к губам, призывая к тишине.

Ду Юньсэ тут же шагнул навстречу и забрал тяжёлую ношу. Он был почти на голову выше юноши, и тому пришлось задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Цзюцзю и Чуньшэн уже уснули, пойдём в главный дом, — прошептал Хуанянь.

За последние дни он успел навести там порядок и сменить бумагу на окнах, но кан давно не топили, и в комнате было прохладно.

Ду Юньсэ привычными движениями расстелил узкую циновку и уложил сверху постель. Хуанянь коснулся холодного камня и нахмурился — спать так было нельзя. Он уже собрался выйти, чтобы развести огонь под каном, но суженый мягко удержал его.

— Весна уже в разгаре, не так уж и холодно. Ты весь день на ногах, иди отдыхай.

В холодном обычно голосе прозвучала непривычная мягкость. Лунный свет, проникая сквозь дверной проём, окутал их призрачным флёром. И тут юноша запоздало осознал, насколько двусмысленно выглядит их уединение в спальне глубокой ночью. Смутившись, он пробормотал что-то невнятное и поспешно скрылся в своём флигеле.

«Слава богу, он не предложил спать вместе, иначе я бы точно не знал, куда деваться!»

Хуанянь перевёл дух.

Проводив взглядом его охваченную смятением фигуру, Ду Юньсэ помедлил мгновение и закрыл за собой дверь. В памяти всплыли слова, обронённые другом перед самым расставанием:

«Юньсэ, не ожидал я, что такому сухарю, как ты, достанется столь редкое сокровище. Но не слишком-то задирай нос. Вижу я, что у этого Хуаняня на всё свой взгляд. Хоть он и твой суженый, вы раньше и в глаза друг друга не видели. Не факт, что его сердце потянется к тебе».

За годы странствий молодой человек не раз встречал людей, терзаемых неразделенной страстью. На пирушках столичных книжников любовные похождения были любимой темой для споров, но сам он всегда оставался к ним безучастным. Он не верил, что нуждается в чувствах — этих мимолётных, как утренняя роса, порывах. Ему казалось достаточным иметь мужа, выбранного когда-то матушкой.

Но теперь, не проведя с Хуанянем и половины дня, Юньсэ внезапно ощутил, что этого ему мало. Он захотел, чтобы эти живые, лучистые глаза смотрели только на него. Долго — так долго, чтобы в них не осталось места для других теней.

«Жемчужина сама выбирает достойную оправу. Я докажу, что достоин его»

Так Юньсэ ответил У Шэню под покровом ночи.

Этой ночью Хуаняня терзали обрывочные, странные сны, которые наутро бесследно выветрились из головы. Выглянув в окно, он обнаружил, что солнце уже высоко — сегодня он проспал гораздо дольше обычного.

Цзюцзю и Чуньшэн за эти дни тоже привыкли не вскакивать с рассветом и всё ещё мирно сопели. Вспомнив, что в доме теперь новый человек, юноша стряхнул остатки дрёмы и поспешно поднялся.

Выйдя во двор, он увидел распахнутые двери главного дома. Постель была аккуратно сложена в углу, а в курятнике и у коновязи уже лежал свежий корм.

Ду Юньсэ, вооружившись коромыслом и парой вёдер, как раз собирался идти за водой к речке за деревней. Заметив это, Хуанянь подошёл и перехватил одно ведро:

— Давай вместе.

В утренней деревне уже кипела жизнь. Встречные сельчане, завидев их, понимающе улыбались и отпускали шуточные приветствия. За эти дни Хуанянь успел познакомиться почти со всеми соседями, так что теперь он на ходу представлял их Ду Юньсэ, а тот вежливо кивал в ответ.

На берегу реки они прошли чуть выше по течению, где вода была чище. Глубина здесь едва доходила взрослому до колен, а прозрачный поток позволял разглядеть каждую песчинку на дне и снующих стайками крошечных рыбок. Обычно жители деревни Ду пили воду прямо из чанов, но Хуанянь для верности всегда её кипятил и держал про запас в большом глиняном кувшине.

Юньсэ привычно зачерпнул полные вёдра и выставил их на берег, даже не позволив Хуаняню прикоснуться к тяжёлой ноше. Глядя на его непринуждённость, молодой человек невольно вздохнул, вспомнив, как самому ему тяжело даётся даже одно ведро. В прошлой жизни он не жаловался на слабость, но в теле гээр его силы словно располовинились — любая тяжёлая работа отзывалась ноющей болью в мышцах.

Для бывшего короля конкуренции такая немощь была сущим наказанием. Хотя любая из соседок — будь то Ху Цюянь или Мэн Фуюэ — в один голос подтвердила бы, что братец Хуа — самый трудолюбивый и расторопный из всех молодых людей, которых им доводилось видеть.

— О чём задумался? — Ду Юньсэ заметил его пристальный взгляд.

Хуанянь улыбнулся:

— Не ожидал, что ты так ловко управляешься с крестьянской работой.

Всё-таки Ду Юньсэ почти десять лет провёл вдали от дома, и юноша думал, что тот давно отвык от подобных трудов.

— Нрав моего учителя подобен вольному облаку. Пока мы странствовали с ним, мне довелось повидать и заброшенные селения, и ночёвки под открытым небом. Все заботы о крове и пропитании в пути всегда лежали на мне, — Юньсэ мельком взглянул на тонкие запястья своего суженого. — Впредь всю тяжёлую работу оставь мне. Негоже тебе так надрываться.

Его собеседник лишь покачал головой. Он-то думал, что «учёное странствие» гостя было чинной поездкой от библиотеки к библиотеке, а оно оказалось настоящим испытанием на выживание. Вспомнив, что тот покинул дом десятилетним мальчишкой, Хуанянь почувствовал укол жалости.

— И ради чего были все эти тяготы? — сорвалось у него с языка.

Ду Юньсэ поставил вёдра и выпрямился. В лучах утреннего солнца его фигура казалась стройной и крепкой, подобно молодому бамбуку.

— Чтобы воспитать свой дух и устроить дела семьи, а после... — он произнёс это с такой спокойной уверенностью, что в правоте его слов невозможно было усомниться.

— ...управлять государством и принести мир в Поднебесную, — закончил за него Хуанянь.

Он смотрел на этого красивого мужчину, чей облик сейчас напоминал восходящее светило, и внезапно почувствовал, как в груди разгорается азартное любопытство.

Ему нестерпимо захотелось увидеть, сумеет ли этот Ду Юньсэ, ныне облачённый в простую холщовую одежду, исполнить всё то, о чём сейчас дерзнул заявить.

<http://bllate.org/book/15363/1372828>